

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**В. П. Булдаков,
П. П. Марченя,
С. Ю. Разин**

**«Народ и власть в российской
смуте»: прошлое и настоящее
системных кризисов в России**

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Proshloe_i_nast.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

КОНФЕРЕНЦИИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ. ВЫСТАВКИ. ПРЕЗЕНТАЦИИ

В.П. БУЛДАКОВ, П.П. МАРЧЕНЯ, С.Ю. РАЗИН

«НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ»: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ СИСТЕМНЫХ КРИЗИСОВ В РОССИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ В ИНСТИТУТЕ СОЦИОЛОГИИ РАН

Buldaikov V.P., Marchenya P.P., Razin S.U. «People and Power in Russian Strife»: the past and the future of system crises in Russia. Results of International Roundtable Discussions in the Institute of Sociology of RAN

Аннотация / Annotation

В статье обобщены итоги Международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте». Этот круглый стол был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России в ситуациях глобальных социальных катаклизмов, революций и смут как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества.

Totals of the International Roundtable Discussions «People and Power in Russian Strife» are generalized in this article. The Roundtable is dedicated to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of problem of the interaction of Power and People as two main agents to the historical development of Russia in the situations of global social cataclysms, revolutions and strifes as periodically repetitive system crises of the Russian state and society.

Ключевые слова / Keywords

Народ, власть, российская смута, революция, массы, общество, история России. People, power, Russian Strife, Revolution, masses, society, history of Russia.

23 октября 2009 г. в Институте социологии РАН состоялся Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте», в работе которого приняли участие более 30 ученых, представляющих научные организации и вузы. Об-

суждались три «великие смуты» отечественной истории: начала XVII в., начала XX в. и рубежа XX–XXI вв. В центре внимания оказались события 1917 г., определившие ключевые параметры России новейшего времени.

Актуальность темы круглого стола обусловлена очевидной перманентностью «переходных периодов» российской истории. Необходимость осмысления и понимания российских кризисов выступает одним из главных вызовов для интеллектуального класса и правящего слоя современной России. Ведущим круглого стола был доктор исторических наук В.П. Булдаков (ИРИ РАН), который, открывая дискуссию, сосредоточил внимание участников на следующих вопросах: о кризисном ритме российской истории; о причинах и результатах «смутных времен», сочетаемости понятий «смута» и «прогресс» в контексте отечественной истории, и том, как в результате кризиса меняется человек; о роли элит и масс в смуте; о влиянии кризиса на российскую власть.

Доктор исторических наук В.Д. Соловей (МГИМО(У)) рассмотрел эти вопросы сквозь призму макроисторической социологии. Согласно ее критериям, в истории России было 3 революции: Смута XVII в., революция начала XX в. и революция, начавшаяся на рубеже 1980–1990-х гг. Важнейшими условиями победы революции являются раскол элиты и мобилизация масс, осуществляемая частью элиты. Докладчик подчеркнул, что Февраль и Октябрь 1917 г. – это две волны одной революции, которая, по своим глобальным последствиям, является (наряду с Французской) «Великой». Особое внимание он уделил современной революции. Она еще не завершилась. Но это не означает, что ее новая волна начнется со дня на день, поскольку отсутствуют необходимые демографические факторы. Так, в начале XX в. доля молодежи в возрасте до 20 лет составляла 48% от общей численности населения европейской России. Дж. Голдстоуном установлено, что революция может произойти тогда, когда доля молодежи от общей численности населения превышает 25%. Если она превышает 40%, то революция становится неизбежной. Еще одним фактором, препятствующим новой революционной волне, является отсутствие союза между элитой и обществом. К тому же сегодня зачастую потенциальное недовольство весьма высокого уровня

уходит в девиацию – в пьянство, наркоманию и т.д. Безусловно, свою роль играет и периодически проводящаяся властью ассимиляция потенциальных лидеров революции или их изъятие из политики вообще.

Схожие мысли прозвучали в докладе доктора экономических наук А.И. Колганова (МГУ). Он считает, что революция немислима без массовой мобилизации и союза между контрэлитой и массами. Но прежде чем возникает такой союз, появляется разрыв между массами и властью, которая не решает проблем, затрагивающих насущные интересы большинства. Новая власть, которая утверждается в ходе смуты, в той или иной степени эти интересы удовлетворяет. Для Смуты XVII в. оказалось достаточно восстановления порядка. В 1917 г. дело обстояло значительно сложнее. Преимущество большевистской власти перед предшественниками заключалось в том, что некоторые интересы народа она удовлетворила. При этом большевики шли прямо против интересов другой части народа. Наибольшая сложность заключалась в том, что не были удовлетворены интересы крестьянства. С ним пришлось пойти на компромисс. Компромисс этот оказался устойчивым. По мнению Колганова, большевистская революция состояла из двух революций. Революция Октября 1917 г. «завершилась незавершенностью» к началу 1920-х гг. Ее программа оказалась невыполненной. После длительной внутривластной борьбы произошла другая революция, которая в середине 1930-х гг. окончилась созданием устойчивой общественной системы. Касаясь нынешней революции, докладчик подчеркнул, что она, как и большевистская, смогла удовлетворить интересы только части населения. Другая часть осталась неудовлетворенной. Это делает революцию незавершенной. Но ее новая волна начнется не скоро. Сегодня конфликтный потенциал существует в скрытой форме. Для его актуализации потребуется время. Вторая волна революции начнется тогда, когда произойдет смена поколений россиян. Тогда мины замедленного действия, заложенные в современную общественную систему, неизбежно взорвутся, поскольку отсутствуют механизмы решения важнейших проблем, стоящих перед обществом.

По мнению кандидата исторических наук И.В. Михайлова (МГИМО(У)), сегодня можно говорить о складывании «историографии российских смут». Импульс, приведший к ее формированию, был задан попытками сравнения Смутного времени XVII в., Октябрьской революции и «реформ» 1990-х гг. Некоторые авторы уже в 1990-е гг. заговорили о том, что события начала XX века и его конца связаны с закреплением в российском социальном пространстве спектра бинарных оппозиций, обернувшимся революционным расколом общества. Здесь сыграла свою роль оценка Ю. Лотманом российской системы под углом зрения «культуры взрыва». Однако в «новой России» укрепилась практика чисто политического осмысления старых и новых смут. Российские авторы предпочитали не замечать их социальную составляющую. Такой подход стыковался с работами А. Янова, рассматривающего цикличность русской истории под углом зрения реформ и контрреформ. Постепенно появились и иные подходы. Так, А. Ахизер, И. Клямкин, И. Яковенко связали 4 «катастрофы русской истории» с последовательной гибелью киевской, московской, романовской и советской государственности. Главными причинами их являлись «социокультурный раскол» и «манихейский тип» российской цивилизации. В свою очередь, В. Соловей объявил смуты «локомотивами» «успешной» русской истории. Примечательно, что, отмечая «метафизический» характер российских смут, он утверждает, что их результатом являлась «смена социокультурной русской традиции». При таком подходе возникает риск оказаться во власти метафор, на которые отважиться тем легче, чем меньше соприкасаешься с конкретно-историческими реалиями. Получается, что, с одной стороны, «русская Смута хронологически укладывается в эпоху Модерна», с другой – все «русские революции могут служить прекрасной иллюстрацией китайских натурфилософских представлений». Наиболее основательно, по оценке докладчика, подошел к изучению российских смут В. Булдаков, показавший, что каждая из них проходит несколько стадий: этическую, идеологическую, политическую, организационную, социальную, охлократическую, рекреационную. В конце выступления Михайлов высказал позицию, согласно которой смуты XX в. отличаются тем, что

произошли в условиях «догоняющего развития», порождающего ориентацию на «чужую» модель развития, искаженные представления о реальных потенциях «своего» общества и несоответствие целей элит и массового сознания. Поэтому имеет смысл выделять смуты Средневековья и революции эпохи Модерна.

Доктор исторических наук В.В. Шелохаев (Институт общественной мысли) отметил немало общего в смутах XVII и XX вв. Они с особой остротой высветили проблему способности власти адекватно реагировать на вызовы времени. Исторический опыт показал, что власть, игнорирующая эти вызовы, провоцирует социальный взрыв. В свою очередь и общество, изолированное от власти, также являлось источником смуты. Оно демонстрировало неспособность взять на себя ответственность за судьбу страны. Достаточно вспомнить о неприглядной роли политической элиты в событиях начала XVII в. Схожую роль она сыграла и в истории России начала XX в., сама проложив дорогу к власти политическим маргиналам. Говоря о роли массового сознания в смутах, докладчик подчеркнул, что в нем причудливо переплетались сиюминутные интересы и абстрактные идеалы будущего, вековая ненависть к господам и пренебрежительное отношение к чужой собственности, смирение и бунт, неистовая религиозная вера и разного рода суеверия. Вместе с тем, смуты продемонстрировали наличие в России и конструктивно ориентированных сил, которые в условиях национальной катастрофы проявляли свои лучшие качества. Смуты прокладывали дорогу к качественно новому состоянию России. Причем эта дорога могла быть как продолжением прошлого, так и «нащупыванием» принципиально нового пути в непредсказуемое будущее. Смута XVII в. продолжала старый путь, несколько модифицируя прошлое. Итоги смуты начала XX в. оказались принципиально иными. Проведенных тогда реформ оказалось недостаточно для преодоления кризиса. Для того чтобы приступить к строительству новой России, потребовались Февраль и Октябрь 1917 г. Смута привела к ликвидации Российской империи, старых классов и сословий и всей системы правовых и частнособственнических отношений. Выход из нее проходил уже на основе принципиально иных оснований идеологического, политического, экономического, социального и куль-

турного характера. Она «вытолкнула» Россию в иное историческое измерение.

Большую часть своего выступления доктор философских наук Б.Ф. Славин («Горбачев–Фонд») посвятил вопросу о причинах революций. Он подчеркнул, что они возникают, когда большинство народа недовольно существующим порядком. Все революции в России совершались абсолютным большинством народа. Важнейшим условием возникновения революции является наличие острейшей проблемы, которую не может решить власть. В России на рубеже XIX–XX вв. такой проблемой был крестьянский вопрос. Временное правительство не решило вопросов о земле и мире, поэтому потребовался Октябрьский переворот. Октябрь и Февраль следует рассматривать как две стадии одной революции. Особое внимание Славин уделил анализу перестройки и причин ее краха. По его мнению, в основе перестройки лежала идея превращения казарменного социализма в демократический социализм. Трагедия М.С. Горбачева состояла в том, что он не смог осуществить ту стратегию, которую провозгласил. Современная революция, начавшаяся перестройкой, не завершилась. Сегодня еще не выявился субъект второй волны этой революции. Но он обязательно появится.

Главной идеей выступления доктора экономических наук В.Л. Шейниса (ИМЭМО РАН) стал тезис, согласно которому, главный урок истории для общества, пережившего XX век, заключается в том, что эволюция предпочтительнее революции. Заслуга М.С. Горбачева в том, что он попытался это осуществить, начав перевод вектора развития на путь эволюции и демонтаж авторитарного режима. Но это не удалось. Сегодня вектор развития России вновь повернулся в сторону реставрации авторитарных структур.

Доктор исторических наук О.Г. Буховец (Белорусский государственный экономический университет) посвятил доклад вопросу о «цене» смут, измеряемой в человеческих жизнях, и судьбе белорусского этноса. В результате Гражданской и советско–польской войны белорусский этнос оказался разделенным на 3 части. К Польше отошла Западная Белоруссия, которую населяли 4,5 млн белорусов. Польское государство проводило на этой территории

политику активной колонизации. На востоке Белоруссии происходил процесс своеобразной русификации белорусов. Согласно материалам Всероссийской переписи 1897 г. в Вележском, Себежском и Невельском уездах Витебской губернии, которые были переданы в свое время большевиками в состав Псковской губернии, более 73% населения назвали своим родным языком белорусский. По переписи 1926 г. в качестве родного языка назвали белорусский язык лишь 0,2% населения. А между тем в БССР тогда почти 81% населения заявил о своей белорусской идентичности. Характеризуя современную ситуацию, Буховец отметил, что сравнение данных последней советской переписи и первой постсоветской переписи населения показывает кардинальное сокращение численности основных этнических групп в Белоруссии, за исключением белорусов. Численность белорусов увеличивается. Сегодня стало престижным считать себя частью титульного белорусского этноса, происходит переидентификация.

Доктор исторических наук А.А. Ильюхов (ГУУ), рассуждая о причинах Смуты начала XX в., назвал ее результатом коллективного творчества «верхов» российского общества. По мнению ученого, нынешняя ситуация имеет немало общего с той, которая была в России столетие назад. Если нынешний господствующий класс не осознает того, к чему могут привести его антинародные действия, то нам грозит очередная смута.

По мнению кандидата исторических наук П.П. Марчени (РГГУ, МосУ МВД России) одной из главных причин смуты является делегитимация власти в массовом сознании. Он подчеркнул, что свой народ, в отличие от власти, не выбирают. И если народ достаточно четко воспринимает власть как «не свою», смута неизбежна. Существуют определенные маркеры, позволяющие применительно к России, совершить процедуру демаркации между властью «своей» и «чужой» (метафункциональность служения – субфункциональность обслуживания; мессианизм – секулярность; идеократичность – безыдейность; централизованность – раздробленность; авторитарность – компромиссность; единовластие – многовластие; патернализм – партикуляризм; иерархичность – разветвленность; «твердость» и «слабость»; и др.). Смута может рассматриваться как исключительно имперский феномен.

Революции могут происходить в любых государствах, а смуты являются болезнями империй. Смута может закончиться, а может и не закончиться революцией. Чисто теоретически, можно представить себе революцию и без смуты. Но только не в России. Империя предполагает наличие всемирно значимой Идеи, которая консолидирует власть и массы, превращая их в единый субъект истории, осознающий свою миссию. «Империя» представляет особую форму единения власти и народа, и с этой точки зрения Россия – Империя и сегодня. Отвечая на вопрос, что же такое «смута», Марченя отметил несколько подходов. С точки зрения социологического функционализма, смута есть стихийный процесс бегства от дисфункции власти к эвфункции власти. В русле органического подхода, смута является иммунной реакцией имперского организма, процессом отторжения чужеродных элементов (временщиков, самозванцев, наносных вестернизированных декораций, искусственно имплантируемых прозападнической элитой) и возвращения к собственным культурным смыслам, к родной, патерналистской власти. С позиции макро– или метаистории, смута – процесс, который развивается по логике: от империи, потерявшей право называться с большой буквы, к Империи, которая вновь претендует на то, чтобы ее писали с заглавной. В таком контексте докладчик охарактеризовал все три «Великие» российские смуты. В ходе Первой («парадигмальной») Смуты были сотрясены основы средневекового Московского царства. Но затем последовало отторжение прозападнических элит, пытавшихся сотрудничать с интервентами и навязать России «чужой» путь. В итоге Россия была подтолкнута к имперскому пути. Во Второй («модернистской») Смуте посыпалась по «эффекту домино» уже Петербургская империя, которая не справилась с вызовами современности и не могла более быть движущей силой модернизации. Но затем были выкинуты и либерально-демократические декорации вместе с их носителями, которые предстали коллективным Лжедмитрием и разделили его судьбу. В итоге появилась новая, еще более могучая империя – Советский Союз. Третья («постмодернистская») Смута привела к распаду советской империи. Именно она определяет современность и ближайшее будущее России. Подводить ее итоги преждевременно. Но пока не при-

думано лучшего способа предсказать, что еще будет, чем припомнить то, что уже было. Судьбу каждой смуты решает свой, а не чужой народ. Вопрос о том, каким должен быть народ в России – бесперспективен. А вот на вопрос о том, какой не должна быть власть в России, убедительный ответ дают смуты.

В начале своего выступления С.Ю. Разин (ИГУМО и ИТ) коснулся некоторых историографических мифов. Говоря о Столыпине, он напомнил, что первыми, кого пошли громить крестьяне-общинники в 1917 г., были отрубники и хуторяне. Этот факт говорит о том, что общинное крестьянство не приняло столыпинскую аграрную реформу. Идеи, положенные в ее основу, были прямо противоположны представлениям народа о справедливом решении земельного вопроса. Поэтому она изначально была обречена на неудачу. Была подчеркнута и несостоятельность носящего европоцентристский характер мифа о «правовом нигилизме» большинства населения России. «Правовой нигилизм» в России надо рассматривать не как отрицание права вообще, а как отрицание чужого права и чужого правосознания. Русская революция начала XX в. стала поучительным примером такого отрицания. В ходе революции традиционное право отвергло навязываемое извне позитивное буржуазно-либеральное право. Значительное место в выступлении Разина заняли рассуждения о партии «Единая Россия» и современной политической системе в целом. Он считает, что «партия власти» должна быть не только средством консолидации бюрократии и построения «вертикали власти», но и полигоном для выработки стратегии развития страны. За годы своего существования «Единая Россия» пыталась позиционировать себя и как либеральная, и как социал-демократическая, и как центристская партия. А теперь она заявляет о себе как о партии российского консерватизма. Как отметил докладчик, складывается ощущение, что у партийных руководителей отсутствует понимание того, что эти доктрины не имеют никакого отношения к российским реалиям. При этом «Единая Россия» пытается быть больше чем партией. Она старается стать осовремененным вариантом КПСС. Но КПСС была носителем имперской идеи в ее коммунистическом варианте. Сегодня мобилизовать массы сможет только та политическая сила, которая окажется способной сфор-

мулировать современный вариант имперской идеи. Ни у одной из современных политических сил нет ничего похожего. Поэтому, чтобы добиться нужного результата, власть вынуждена постоянно использовать административный ресурс и выдавать за успех безразличие «безмолвствующего большинства», понимающего, что выборы – это псевдолегитимный, формально-юридический механизм воспроизводства власти. Свою строго определенную роль в функционировании современной политической системы играют «оппозиционные» партии. Они имитируют оппозицию. Именно имитируют, потому что осознают, что у них нет ни малейшего шанса прийти к власти. Примечательно, что их это вполне устраивает. Отечественную многопартийность как социокультурный феномен в целом докладчик предложил рассматривать в качестве одного из важнейших элементов и признаков российской смуты. Само существование многопартийности противоречит ментальным основаниям российской идеократии. И в начале, и в конце XX в. многопартийность сыграла разрушительную роль политической антисистемы, которая воплощала в себе различные способы уничтожения отжившей свой век формы империи. Преодоление современной смуты приведет к ликвидации многопартийности. Подтверждением этого тезиса является опыт русской революции, завершившейся установлением однопартийной большевистской диктатуры. Такой исход оказался возможен потому, что большевики, предложившие массам адекватные их сознанию модели власти и социального поведения, сформулировали новый вариант имперской идеи и вышли за рамки формальной партийности, став, по словам Л.Д. Троцкого, «головным выражением национальной стихии».

Доктор исторических наук В.Т. Логинов (Университет РАО) отметил, что «историческая публицистика» вытеснила серьезные исторические работы и начинает вымирать сама профессия историка. Появились не желающие годами работать в архивах историки-конструктивисты, которые лишь перекладывают кубики мифологем. И выдвигая свои версии ответа на вопрос «Почему?», все время ошибаются в фактах: «Что? Где? Когда?». По мнению докладчика, в исследовании проблемы «Революция и народ», в отечественной науке образовалась «черная дыра». Социальную

историю свели к изучению народного быта. Отношение к собственному народу как к «быдлу» перестало быть признаком неинтеллигентности. А ведь именно выбор народа всегда определял вектор исторического развития страны. В свое время П. Сорокин сформулировал несколько условий успешности реформ. Главное из них – реформы должны соответствовать менталитету народа. Из-за несоответствия народному менталитету потерпели неудачу реформа 1861 г., аграрная реформа Столыпина, коллективизация и реформы 1990-х гг. Соответствие ему предопределило успех Декрета о земле 1917 г. и НЭПа.

По мнению кандидата исторических наук И.А. Анфертьева (РГГУ), в отличие от смуты, в результате которой сохраняется старый общественный строй, революция ликвидирует старые общественные институты. В связи с этим он предложил пересмотреть традиционную оценку событий 1905–1907 гг. России. На его взгляд, их нельзя называть революцией, потому что они повлекли за собой лишь некоторую модернизацию существовавшего общественного строя. Основное внимание Анфертьев уделил событиям 1920–1930 гг. Он считает, что в это время произошла еще одна революция, которая завершилась установлением сталинской диктатуры. Каким образом происходил этот процесс, было проиллюстрировано докладчиком на примере «дела М.Н. Рютина», которое лишь помогло И.В. Сталину сплотить вокруг себя партийно-государственную элиту и окончательно утвердить статус единоличного вождя.

По мнению доктора исторических наук В.Э. Багдасаряна (РГУТиС), в качестве объяснительной модели происходящих в истории России общественных трансформаций может служить теория «цивилизационного маятника». Она позволяет обнаружить внутреннюю динамику развития цивилизации. В качестве толчка, необходимого для вывода цивилизации из равновесия, выступают инносистемные проникновения. В результате последних в самой цивилизации начинают сталкиваться парадигмы охранительства и изменчивости. Направленность развития цивилизации определяется параметрами сочетания инновационного и традиционного потенциалов. При доминировании первой составляющей происходит процесс инносистемной трансформации

(в российском варианте – периоды западнического реформирования). Инновационный вектор предопределен стагнацией замкнутой системы, необходимостью преодоления препятствий, связанных с традицией. Однако инновации вызывают действие сил отторжения. Они задают обратный ход маятника. После достижения максимума инновационной амплитуды, вектор общественного развития меняется на противоположный. Начинается консервативная инверсия (в российском варианте – периоды контрреформ). После достижения точки кризисной амплитуды наступает смена вектора развития системы. Периодичность кризисов в истории России наглядно раскрывает сущность маятниковых инверсий. Еще в XIX в. была замечена устойчивая повторяемость в идеологическом смысле российских государей через одного. Доминанта западнических тенденций в период одного царствования неизменно сменялось почвенническим поворотом в последующем. Применение теории цивилизационного маятника позволяет переосмыслить некоторые историографические стереотипы. В частности, разрушается традиционная дифференциация между «левым» и «правым» полюсами. Под каждым из маркеров «консерватизм» и «революция» обнаруживаются две антагонистические силы. Монархии могли выступать в качестве носителей революционной идеологии, а революционеры – в качестве консерваторов. С позиций концепта «цивилизационного маятника» нуждается в переосмыслении теория модернизации. В частности, требует пересмотра линейная историческая модель модернизационных процессов. Целесообразно вести речь о нелинейном и цивилизационно вариативном характере модернизма. В качестве примеров исторической реализации модели консервативной модернизации могут быть приведены периоды Александра III и И.В. Сталина.

Согласно точке зрения доктора исторических наук А.В. Чертищева (МосУ МВД России), главными агентами исторического развития являются массы и власть. Исследование революций и смут невозможно без изучения отношения масс к тем идеям и лозунгам, которые предлагают им политические элиты. Революция 1917 г. привнесла в массовое сознание много новых элементов. Массы почувствовали себя вершителями своей исторической

судьбы. Важнейшим компонентом сознания масс стали социалистические идеи. Произошло «упрощение» многомерных социальных конфликтов до противостояния «верхов» и «низов», «чужого» и «своего», «старого» и «нового». Сыграл свою роль и феномен подмены образа «внешнего» врага образом «классового» врага. Эффективность действий В.И. Ленина и его сторонников по овладению стихией массового сознания следует связывать с созвучием лозунгов большевиков насущным потребностям масс и отказом от каких-либо этических ограничений. Изучение роли массового сознания в смуте позволяет сделать выводы о том, что решающим критерием общественных преобразований должно являться их соответствие коренным жизненным интересам людей, а политическая элита должна слышать свой собственный народ, считаться с его ценностями и интересами.

Отдельные аспекты проблематики круглого стола получили развитие также в выступлениях доктора юридических наук Ю.М. Антоняна (ИГУМО и ИТ), кандидата исторических наук Н.В. Асонова (МосУ МВД России), кандидата исторических наук А.А. Белобородовой (Курский институт социального образования), Е.И. Демидовой (Саратовский государственный социально-экономический университет), кандидата исторических наук Ю.А. Жердевой (Самарский государственный экономический университет), доктора исторических наук М.И. Ивашко (РАП), кандидата исторических наук главного редактора журнала «Новый исторический вестник» С.В. Карпенко (РГГУ), кандидата исторических наук Е.С. Кравцовой (Курский государственный медицинский университет), кандидата исторических наук Н.В. Липатовой (Ульяновский государственный университет), кандидата исторических наук Д.В. Лисейцева (ИРИ РАН), кандидата исторических наук Е.В. Павловой (г. Самара), кандидата исторических наук Н.А. Савченко (Курский институт социального образования), кандидата юридических наук С.В. Ткаченко (Самарский государственный университет путей сообщения), аспирантки РГГУ М.Ю. Черниченко, доктора юридических наук С.С. Юрьева (Гильдия российских адвокатов).

С заключительным словом выступил В.П. Булдаков. На его взгляд, логическое отличие смуты от революции – в гипертрофи-

рованности эмоционального и приглушенности рационального компонента. В смуте людьми движет не разум, а инстинкты, не программы, а утопии. Смута – архаичное явление, а революция – порождение модерна. Необходимо помнить, что российская элита пребывала в ином культурно-историческом измерении, нежели народные массы. Поэтому вряд ли стоит обольщаться относительно соответствия политических программ чаяниям большинства. Образ смуты гораздо более соответствует российским реалиям, нежели привычное понятие «революция». Строго говоря, революция – это переворот, а смута – хаос. Говоря о смутах, а не о революциях, мы избавляемся от некоторых стереотипов сознания, сковывающих познавательный процесс. В частности, «Красной смуте» был навязан образ социалистической революции, и этот миф оказался удивительно живучим. Ведущий подчеркнул также, что неслучайно на круглом столе много говорилось о роли крестьянства в смуте. Громадное значение в ней приобретают психоментальные установки «молчаливого большинства». Среди факторов, обусловивших особенности его «революционного» поведения, прежде всего, следует назвать мигрирующее земледелие. Такой тип земледелия обусловил крепостничество. Всякая миграционно-демографическая подвижка оказывалась угрожающей для государства. То же самое можно сказать и о модернизационных процессах. Оба фактора приводили к тому, что государство, стоявшее над сословиями, и, в известной мере, противостоявшее их устремлениям, оказывалось беззащитно перед «фактором непредсказуемости». Возвращаясь к вопросу о «слепоте» власти, докладчик напомнил, что сценарий 1917 г. был предсказан еще в 1914–1915 гг. Власть не нашла в себе сил на адекватные действия. Развал СССР также был предсказан еще в 1970-е гг. целым рядом советологов (Р. Пайпс, Х. Сетон-Уотсон, Э. Каррер д'Анкокс) и отечественными диссидентами. Чтобы «увести» от смуты, требуется соответствующий тип лидерства. Система не смогла его предложить. Течение смуты предполагает ротацию харизматических лидеров. На смену Керенскому не случайно пришел Ленин. На месте Горбачева не случайно оказался Ельцин. Сегодня мы забываем о былой «горбо- и «ельциномании». В заключение Булдаков отметил, что перманентная отчужденность государ-

ства от податных сословий приводила к тому, что «снизу» оно казалось всесильным, на деле оставаясь слабым. Порожденные кажущимся всесилием, непомерные надежды на власть усиливали хаос. Российские смуты в значительной степени связаны с «самообольщениями разума», провоцирующими непомерные надежды и неуправляемые страсти. Противостояние понятий смуты и революции имеет глубокую культурно-историческую природу. И исследователь должен мысленно корректировать привычные термины соответственно их историческому наполнению. Продуктивно рассуждать о российской истории можно только прочувствовав ее культурно-антропологическую «боль», постигая смуту «изнутри».

Заканчивая выступление, ведущий выразил надежду, что круглый стол «Народ и власть в российской смуте» окажется небесполезным. В ходе состоявшегося обмена мнениями, все участники отметили, что цели, поставленные организаторами, достигнуты. Дискуссия была полезной и интересной.

Круглый стол еще раз продемонстрировал существующий плюрализм подходов к рассмотрению российских смут и революций. В то же время, дискуссия показала, что в основном ее участники едины в оценке современного состояния российского общества и признании его типологического сходства с ситуациями начала XVII и начала XX вв. Когда и как завершится продолжающееся сегодня «смутное время» российской истории – покажет будущее. Однако при прогнозировании дальнейшего развития событий должен учитываться исторический анализ предыдущих российских смут. Круглый стол дал серьезную пищу для размышлений всем, кто пытается постичь внутреннюю логику российских смут, понять их исторические уроки. От того, насколько они будут усвоены «верхами» российского общества, зависит судьба России, ее место и роль в современном мире.

«ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ»

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО КНИГЕ О.М. МЕДУШЕВСКОЙ

Sabennikova I. V. “Theory of historical knowledge: selected works”. The “Round table” on the book of professor O. M. Medushevskaja

Аннотация / Annotation

«Круглый стол» по книге О.М. Медушевской (1922–2007) «Теория исторического познания» состоялся в ИНИОН РАН 30 марта 2010 г. Парадигма когнитивной истории, предложенная замечательным российским ученым, является новой исследовательской стратегией в гуманитарных науках. Принципиальный элемент концепции – идея «интеллектуального продукта» – материального явления и доказательства целенаправленной человеческой деятельности в истории. Используя эту концепцию, ученые получают возможность создать новую методологию доказательных исторических исследований.

The round table devoted to the book of professor O. M. Medushevskaja (1922–2007) “Theory of historical knowledge” has been held at INION RAN at March 30, 2010. The cognitive history paradigm proposed by the prominent Russian scientist is a new research strategy in modern humanities. The crucial element of this concept is an idea of the “intellectual product” as the material evidence and proof of human purpose-oriented activity in history and a universal instrument of cultural exchange across historical periods and political borders. By the using of this concept social scientists obtain the possibility to establish a new methodology of verified historical studies.

Ключевые слова / Keywords

Когнитивная история; интеллектуальный продукт, фиксированная и живая информация, информационный обмен, историческое знание, метод, верификация, теоретическое источниковедение, исторические источники и архивы. Cognitive history, intellectual product, fixed and living information, transmission of information, method, verification, source research methods, historical sources and archives.

Выход в свет избранных сочинений профессора Ольги Михайловны Медушевской (1922–2007) – замечательного российского ученого, автора классических трудов по теории и методологии истории, создателя школы теоретического источниковедения, первого заслуженного профессора РГГУ, следует признать принципиальным событием в отечественной науке. Та-